

ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ТРАКТАТА ЦИЦЕРОНА «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ»

Титаренко И.Н.

-[100]-

Сегодня на фоне многочисленных призывов построить в России гражданское общество и правовое государство, которые ряд исследователей считает недостижимыми для нас идеалами, часто приходится сталкиваться с очень опасным перекосом – предпочтением, отдаваемым личному перед общественным, правам – перед обязанностями. В наше время всеобщей борьбы за права личности нередко можно встретить утверждения о «приоритете прав человека перед правами любой общности» [1]. И такой, по своему существу этико-индивидуалистический подход, ставящий под сомнение необходимость осознанного ограничения личной свободы, лежащего в основе права, расценивается многими юристами как перспективный [2].

Подлинная свобода человека, конечно, возможна только там, где отсутствует политическое господство власти над обществом и его членами, где государство начинает чутко прислушиваться к происходящим в обществе процессам и ставит своей основной задачей создание благоприятных условий для самопознания и развития личности [3]. Переход к такому состоянию связан с формированием гражданского общества и утверждением нового конституционного строя, путь к которым по праву можно считать

поступательным, хотя и крайне трудным, восхождением человека в «царство свободы». Уже первые социально-политические концепции гражданского общества, возникшие в XVIII – XIX веках, строились на противопоставлении публичных и частных интересов, относя первые к государственной организации общества, а вторые – к независимой от государства частной (гражданской) сфере жизни людей. Так, например, Гегель во втором разделе «Философии права» указывал, что принципом гражданского общества «является конкретная личность, которая служит для себя целью как особенная» [4].

Однако для современного понимания гражданского общества недостаточно лишь простого противопоставления его государству как области реализации публичных интересов. Ни соблюдение прав и свобод человека, ни защита частной собственности, ни демократия «не обеспечены до тех пор, пока они не подкреплены социальным благополучием и стремлением к общественной справедливости» [5]. Без этого «приоритет прав личности» приведет едва ли не к возврату в «естественное состояние», а идея правового государства превратится всего лишь в утопический лозунг.

Нелишне вспомнить и о том, что на протяжении тысячелетий в основе этики лежал принцип принесения личных интересов в жертву общественным, рассматривавшийся как одно из высших проявлений нравственности. Крайне интересным в связи с этим может стать обращение к философии Древнего Рима, где вопрос о согласовании личного и общественно-государственного всегда оставался чрезвычайно актуальным. В наши дни, когда человеку, озабоченному защитой своих прав, пришла пора вспомнить и об обязанностях перед самим собой, другими людьми, обществом, государством, наследие Цицерона, утверждавшего общественную ответственность в качестве высшего долга гражданина, приобретает особую значимость. Настоятельное желание идти вперед в своих попытках построения современных форм гражданской жизни с необходимостью требует обращения к античным истокам, ибо, как

справедливо заметил Д.С. Лихачев, «ощущать себя наследником прошлого значит осознавать свою ответственность перед будущим» [6].

Трактат «Об обязанностях (De officiis)», написанный Цицероном во второй период его удаления от дел, так называемого «досуга», совпавшего с диктатурой Цезаря, мартов-

-[101]-

скими идами и началом борьбы с Марком Антонием, стал последним из философских произведений римского мыслителя, изложенным как наставление сыну. Созданный в нем образ идеального гражданина и представления о нравственных обязанностях на многие века определили подход к этой проблеме, оказывая влияние на этические теории вплоть до Нового времени. Например, уже в XVIII веке Фридрих II так оценивал это произведение: «"Рассуждение об обязанностях" – лучшее сочинение по нравственной философии, которое когда-либо было или будет написано» [7]. Не станет большим преувеличением сказать, что и сегодня эта работа Цицерона остается значимым памятником гуманистической этики античности и в этом качестве заслуживает самого детального изучения и широкой популяризации [8].

Основой практической философии Цицерона, имевшей ярко выраженную гуманистическую направленность, было понятие гуманность (humanitas), в котором соединяются человеколюбие, дружелюбие, справедливость в отношениях и множество других нравственных качеств, теснейшим образом связанных с социально-политической сферой жизни Древнего Рима. Говоря о гуманизме римского философа, необходимо помнить, что он проявлялся помимо всего прочего «в цицероновском обосновании социальных, гражданских и моральных обязанностей человека, в высочайшей оценке дружбы, в неподдельной любви к добродетели и в том страстном убеждении, что по-настоящему счастлив быть может только

человек честный (*vir bonus*)» [9]. Совершенно удивительным образом оказывается, что Цицерон возвышает голос в защиту гуманизма, говоря вовсе не о правах человека и корреспондирующих им обязанностях государства по обеспечению и защите этих прав, а совсем напротив, рассматривая нравственный долг человека, включающий, по мнению философа, и его обязанности перед государством. Трактат «Об обязанностях», рассчитанный на молодого римлянина, вступающего на путь государственной карьеры, создает образ достойного гражданина (*vir bonus*) со свойственными последнему представлениями о нравственно-прекрасном и обязанностях в самом широком смысле слова.

Во многом следуя стоической доктрине и прежде всего взглядам Панэтия и Посидония, Цицерон кладет в основу своего учения об обязанностях идею о добродетели как о высшем благе, как о нравственно-прекрасном. Не может, по его мнению, обладать доблестью тот, кто вслед за эпикурейцами в качестве высшего блага полагает наслаждение, а в качестве высшего зла – боль. Все обязанности, пронизывающие жизнь человека от дел государственных до дел домашних, должны поэтому иметь своим источником стремление к добродетели как к высшему благу. В служении так понятым обязанностям заключается весь нравственный смысл жизни, в пренебрежении же к ним – позор [10]. При этом само понятие нравственно-прекрасного меняло смысл, приобретая у Цицерона характер практического долга гражданина Рима.

Дело в том, что в греческом определении «только добродетель – благо» добродетель была названа словом «τὸ καλόν», что включало также и момент красоты, а старый полисный идеал «καλοκάγαθός (прекрасный и добрый)» предполагал не только нравственный момент (добрый), но еще и эстетический момент (прекрасный). Уже греческие стоики отсекали этот последний момент, оставив за τὸ καλόν лишь нравственный смысл. Цицерон же и римские стоики вообще перевели его на

латынь как *honestum* (честность, добродетель). *Honestum* происходит от латинского *honor* (честь, почет), следовательно, под *honestum* подразумевается прежде всего то, что должно вызвать общественное признание. Таким образом, само римское понятие добродетели (честности) стало предполагать социальность, которая выражена в нем гораздо сильнее, чем в греческом τὸ καλόν. Добродетель (*honestum*) – это нравственно должное, это то, что необходимо делать доблестному мужу и гражданину Рима (*vir bonus* и *vir Romanus*). В соответствии с этим, и понятие обязанности (*officium*) получило на римской почве гораздо более практический характер, чем это было, скажем, в Ранней Стое. Так, Цицерон говорит о пронизанности обязанностями всех сторон римской действительности: «Ни одна сторона нашей жизни – ни дела государственные, ни частные, ни судебные, ни домашние, ни случай, когда ты ставишь вопрос перед самим собой, ни случай, когда ты заключаешь соглашение с ближним, – не может быть свободна от обязанности» [10, I, 4].

По мнению римского философа, нравственно-прекрасное в его отношении к гражданской

-[102]-

жизни имеет четыре основы, которые выступают как четыре важнейшие добродетели, приличествующие доблестному мужу – познание истины, справедливость и связанная с ней щедрость как двуединая добродетель, величие духа, умеренность. Из этих добродетелей, трактуемых в духе Стои и римского менталитета, проистекают все обязанности гражданина.

Наибольший интерес для Цицерона представляют справедливость и щедрость как начала, охватывающие узы между людьми и общность их жизни [10, I, 20]. Этот интерес вызван убеждением в том, что «обязанности, проистекающие из общественного начала, соответствуют природе больше, чем обязанности, проистекающие из познания» [10, I, 153]. Действительно, вся жизнь человека проходит в обществе. Стремление к жизни в сообществе,

согласно теориям ряда эллинистических школ, становится сущностным свойством человека. К примеру, уже древние стоики определяли человека как «существо, живущее в сообществе (ζῷον κοινωνικόν)» [11]. Вслед за ними идет и Цицерон, указывая, что «природа силой разума сближает человека с человеком, имея в виду их общую речь и совместную жизнь, и прежде всего внушает, так сказать, особенную любовь к потомству, заставляет его желать, чтобы существовали объединения и скопления людей, в них участвовать...» [10, I, 12]. Все социальные механизмы совместного человеческого существования, включая и само государство, возникают не по установлению, а по природе. Следовательно, любой эгоизм – явление противоестественное и неразумное, ведь человек должен «следовать природе как руководительнице, служить общим интересам, обмениваясь услугами, давая и получая, и знаниями своими, трудом и способностями накрепко связывать человеческое общество» [10, I, 22]. Рассматривая различные ступени общности людей – семейную, родственную, дружескую – Цицерон более склоняется к мысли о том, что наиболее существенны связи человека с государством, поскольку они охватывают собой все остальные ступени общности: «если взглянуть на все это с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей» [10, I, 57]. Исходя из предпосылки превалирования общественного над частным, Цицерон раскрывает сущность справедливости как общественной добродетели.

Справедливость (*iustitia*) основывается на двух важнейших требованиях. Первая задача справедливости – в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не побудили противозаконием [10, I, 20; I, 31]. В этом смысле всякое действие, в том числе и преумножение имущества, если оно не наносит вреда другому человеку, не заслуживает порицания [10, I, 25]. Вторая задача справедливости состоит в том, чтобы пользоваться общественной

собственностью как общественной, а частной – как своей [10, I, 20]. Важно утверждение Цицерона о том, что общественная собственность исторически предшествует частной собственности. Философ указывает на тот факт, что частная собственность возникает из общей путем оккупации свободных земель, военных побед, на основании соглашения, жеребьевки, закона [10, I, 21]. Общественная собственность столь же неприкосновенна, как частная, и посягающий на любую из них нарушает тем самым права человеческого общества. Подобные представления римского мыслителя о необходимости сохранения существа как частной, так и общественной собственности, как справедливо замечает С.Л. Утченко, требуют «не только охранения собственности, но и активного содействия благу всего государства своей деятельностью и своим имуществом» [12]. Это требование вполне естественно, с точки зрения Цицерона, поскольку люди рождаются не только для себя самих: «на наше существование притязают отчасти наше отечество, отчасти наши друзья» [10, I, 22].

Тем не менее, римский философ прекрасно понимает, что именно собственность является тем объектом, ради которого совершается несправедливость. Он указывает, что быстрее всего большинство людей доходит до забвения справедливости всякий раз, как ими овладевает желание империя, магистратур, славы [10, I, 25]. Саму же несправедливость Цицерон разделяет на два вида: один – со стороны тех, кто совершает ее, второй – со стороны тех, кто, хотя и может, но не отводит противозакония от тех, по отношению к кому его совершают: «Ведь тот, кто, охваченный гневом или каким-либо другим тревожением, противозаконно нападает на кого-нибудь, как бы налагает руку на

-[103]-

члена общества; но тот, кто последнего не защищает и с противозаконием не борется, когда может, совершает такой же проступок, как если бы он без

помощи оставил родителей, или друзей, или отечество [10, I, 23]. Несправедливость второго рода имеет много истоков, которые Цицерон перечисляет с завидной скрупулезностью, – нежелание вызвать вражду к себе со стороны сильного или взять на себя труд и расходы, беспечность, вялость, леность, занятость собственными делами [10, I, 28-29]. Показательно включение в круг несправедливых деяний не оказания помощи тому, кто претерпевает несправедливость. Такие тезисы государственного деятеля, адресованные молодым римским гражданам, вступающим на путь политической деятельности, способствовали выработке активной гражданской позиции и деятельного отношения к происходящим событиям, которых так не хватает современному человеку.

Многие века отделяют нас от античности, и, как говорил А. Камю в одной из Шведских речей 1957 года, «с тех пор все немного изменилось, и в частности следующее: количество каторжников и мучеников на нашей планете увеличилось безмерно» [13]. Общество не избавилось от дискриминации и ущемления достоинства человека, от неравенства и насилия. Так, например, новейшие социологические исследования свидетельствуют, что три четверти россиян лично сталкивались с фактами дискриминации [14]. Современному человеку, терпящему обиду и унижение, не привыкать оставаться один на один со злом и несправедливостью мира из-за простого равнодушия окружающих и их стремления сохранить свой покой. Это значит, что и сегодня равнодушие должно быть расценено как один из видов несправедливости, как невыполнение своих обязанностей перед другими людьми. Думается, поэтому так созвучны идеям Цицерона горькие слова Р. Эберхардта, сказанные им уже в XX веке: «Не бойся врагов, в худшем случае они могут тебя убить, не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на Земле предательство и убийство» [15]. Право обижаемого на защиту, на помощь, на нормальные условия жизни

становится фикцией без обязанности других людей эту защиту и помощь оказать, возвысив голос против несправедливости.

Цицерон, имея ввиду прежде всего эпикуреизм, критикует тех философов, которые пропагандируют уход от общественной и государственной жизни. Ведь такое уединение как раз и можно расценить как неоказание помощи тем, кто в ней нуждается, то есть как несправедливость второго вида [10, I, 28-29]. Сам же Цицерон допускает подобный шаг лишь в вынужденных обстоятельствах, считая участие в политических событиях своего времени для мудрого важнейшей обязанностью, вытекающей из справедливости.

Требованием справедливости обусловлена и такая подробно разбираемая Цицероном обязанность как справедливое ведение войны. Главной идеей римского мыслителя стало убеждение в том, что война допустима только тогда, когда мирное разрешение конфликта не дало результатов или было невозможно [10, I, 34]. Цель таких войн – жить, не совершая противозаконий, в мире. Отсюда следует необходимость предварительного объявления войны (исключая вероломное нападение), гуманность по отношению к побежденным и сдавшимся, воздержание от жестокости. И это не случайно, ведь обязанности необходимо соблюдать не только по отношению к близким, но и по отношению к тем, кто нам причинил вред [10, I, 34]. Даже те войны, которые ведутся ради укрепления власти, могущества, славы Рима [10, I, 38], должны соответствовать требованиям, закрепленным фециальным уставом римского народа. Эти увещевания Цицерона вполне уместны на фоне последних событий в Ираке, где военные действия были начаты «вопреки мировому общественному мнению, вопреки принципам и нормам международного права и Устава ООН» [16].

Рассмотрение справедливости завершается рассуждением об обязанностях по отношению к рабам, которые выражаются в предоставлении им положенного и требовании от них труда [10, I, 41]. Обязанность

справедливого владельца – относиться к рабам как к наемникам (*ut mercenariis*). В этом состоит гуманность и справедливость по отношению к тем, кого в Риме считали «говорящими орудиями».

Таким образом, из идей Цицерона о справедливости складывается облик доблестного мужа, являющегося справедливым гражданином, не только не чинящим противозакония, но и оказывающим защиту всем его терпящим, справедливым воином, справедливым рабовладельцем.

-[104]-

Другой, тесно связанной со справедливостью стороной общественной добродетели будет щедрость, которая соответствует природе человека [10, I, 42]. Однако в щедрости Цицерон рекомендует соблюдать умеренность с тем, чтобы она не расходилась с нравственно-прекрасным, не вредила тому, по отношению к кому ее проявляют, не осуществлялась за счет других людей, не превышала средств того, кто ее проявляет, распределялась в соответствии с достоинствами одаряемых ею [10, I, 42-43]. Рассуждая о щедрости и благотворительности, Цицерон устанавливает градацию обязанностей в зависимости от степеней человеческой общности: на первом месте располагаются обязанности перед отечеством и родителями, далее – обязанности по отношению к детям, семье, затем – обязанности по отношению к родственникам и друзьям [10, I, 58]. Все они объединяются традиционным римским этическим понятием благочестия (*pietas*). Люди, лишённые этого качества, способные не заботиться о семье, не вспоминать родителей, не посещать могилы близких, оставлять без помощи слабых, всегда – и в древности, и сегодня – оценивались как «во всех отношениях ненадежные» [6, с. 372]

Во второй книге трактата «Об обязанностях» Цицерон подробно разбирает те из них, которые способствуют поддержанию жизни людей, служат так называемой «пользе». Здесь римский философ пытается применить

нормы, изложенные в первой книге, к сфере практической жизни людей, указывая на связь нравственно-прекрасного и полезного. Все то, что нравственно прекрасно, является в то же время и полезным, а все то, что действительно полезно, является одновременно нравственно-прекрасным [10, II, 10]. Лежащие в сфере пользы слава, власть, материальное благополучие должны иметь целью нравственно-прекрасное, определяться исключительно добродетельной жизнью. Так, например, справедливость не только прекрасна сама по себе, но еще и может служить обретению славы и почета, относящихся к сфере полезного: «...надо всячески соблюдать и охранять справедливость, и притом как ради нее самой, – ведь иначе справедливости не существовало бы вообще, – так и ради того, чтобы возвеличить свой почет и свою славу» [10, I, 42]. Аналогичным образом рассматриваются Цицероном вопросы о власти, богатстве, здоровье. Все они оказываются теснейшим образом связанными с добродетелями познания истины, справедливости и щедрости, величия духа, умеренности.

В завершающей, третьей части трактата «Об обязанностях» автор доказывает, что между нравственно-прекрасным и полезным не может быть противоречия. Если же между ними обнаруживается конфликт, то надо разобраться, где происходит искажение смысла понятий, приведшее к такого рода видимости, поскольку противоречить нравственно-прекрасному может не полезное, а то, что только кажется таковым. Подробно рассматривая различного рода безобразные поступки – ложь, жестокость, скрытность, грабеж, Цицерон показывает, что они не могут вести к истинной пользе человека. Всякое стремление удовлетворить свои желания за счет другого противоестественно и нарушает справедливость. С новой силой звучит основная мысль Цицерона об общности людей и общей пользе: «...одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена. Более того, если природа велит человеку хотеть, чтобы о другом человеке, кем бы он

ни был, была проявлена забота уже по одной той причине, что он – человек, то, по велению все той же природы, польза должна быть общей для всех людей» [10, III, 26-27]. Руководствуясь общей пользой, люди долга презируют богатство, наслаждение, страх смерти. Они представляют для государства бóльшую ценность, нежели люди, стремящиеся к наслаждению, праздности и богатству. Отсюда Цицерон делает вывод о том, что хотя мудрый, даже умирая от голода, не отнял бы пищу у другого человека, «сам закон природы, охраняющий и оберегающий интересы людей, конечно, определит, что средства, необходимые для жизни, от человека праздного и бесполезного должны передаваться мудрому, честному и храброму мужу» [10, III, 31].

Эти взгляды Цицерона критикуются – и небезосновательно – по сей день: «Деление людей (и вообще социальных групп) на полезных и вредных... – все это узнаваемо и выражает суть известной идеологии XX века. Оказывается, что идеология эта не доморощенная, она имеет древние исторические корни. Опыт ее господства для человечества неоценим. Была не то, что понята, а пережита простая идея: общая польза действительно является общей, когда это –

-[105]-

польза каждого отдельного человека, а не абстрактного общества и государства» [17]. Тем не менее, проблема состоит как раз в том, что как не абстрактен каждый конкретный человек, так не абстрактны конкретные общества и государства, а значит, понятие общей пользы – это тоже далеко не абстракция. Без осознания этого простого факта бессмысленно говорить о гражданском обществе и правовом государстве. Именно поэтому, критикуя Цицерона, не следует никогда забывать, что современная жизнь, движется «к социально-политической, а не формально-юридической справедливости, к сочетанию индивидуальных прав человека с общественными потребностями и коллективными правами различных общностей людей» [18], а «критерий

общего блага является неотъемлемой частью понятия правового государства» [5, с. 12].

В соответствии с этим, необходим отказ от индивидуалистических представлений о примате прав человека над любой социальной общностью и формирование совершенно нового взгляда на взаимоотношения личности, общества и государства. Узы гражданственности, связывающие людей, требуют определенного ограничения прав и свобод в целях охраны общественного порядка, обеспечения публичной морали, формирования социально ориентированной экономики. В таком ограничении проявляется ответственность за судьбы других людей и судьбу отечества, масштаб которой отражает степень свободы каждого человека, о чем не уставал писать Цицерон.

Получается, что постулаты, которые более двадцати веков назад были выдвинуты Цицероном в трактате «Об обязанностях», могут гармонично сочетаться с идеями, лежащими в основе теории современного социально ориентированного государства. И управляющие таким государством с неизбежностью должны сочетать два, по мнению римского мыслителя, важнейших качества: «...одно требует, чтобы они, оберегая интересы граждан, сообразовывали все свои действия именно с ними, забыв о собственной выгоде; другое – чтобы они заботились о государстве в целом и при этом, оберегая какую-нибудь одну часть его интересов, не оставляли без внимания остальных» [10, I, 85]. Думается, что эти мысли Цицерона крайне важны для современной России, ибо этические и социально-политические доктрины античности, кажущиеся на первый взгляд несколько наивными и по-детски простодушными, при пристальном внимании к ним способны преподать ценный урок, обогатив нас тысячелетней мудростью и опытом государственной жизни давно ушедших поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ржевский В.А., Киселева А.В.* Субъекты Российской Федерации: типология и конституционные основы организации // Государство и право. 1994. №10. С. 42.
2. *Диденко Н.Г., Селиванов В.Н.* Право и свобода // Правоведение. 2001. №3. С. 4.
3. *Аринин А.Н.* Государство для человека: новая стратегия развития для России // Общественные науки и современность. 2000. №6. С. 48.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения: В 14 т. Т. 7. М.-Л., 1958. С. 58.
5. *Мартышин О.В.* Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. №5. С. 12.
6. *Лихачев Д.С.* Книга беспокойств. М., 1991. С. 498.
7. *Zielinski Th.* Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig; Berlin, 1908. S. 131-143; 304-308.
8. *Звиревич В.Т.* Цицерон-философ и историк философии. Свердловск, 1988. С. 81.
9. *Майоров Г.Г.* Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты. М., 1997. С. 15.
10. *Цицерон.* Об обязанностях, I, 4 // Древнеримская философия: От Эпиктета до Марка Аврелия. Сочинения. Харьков; М., 1999. С. 255-378.
11. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, 7, 63; *Цицерон.* О пределах добра и зла, 3, 19, 64.
12. *Утченко С.Л.* Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 170.
13. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 364.
14. *Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н.* Права человека и дискриминационные практики в современной России // общественные науки и современность. 2003. №5. С. 43.
15. Цит. по: *Бороков Э.* Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове. М., 2003. С. 714.
16. Заявление Президента РФ Владимира Путина по вопросу войны в Ираке // Российская газета. 2003. 21 марта. №53 (3167). С. 2.
17. *Шкода В.* Комментарий к трактату Цицерона «Об обязанностях» // Древнеримская философия: От Эпиктета до Марка Аврелия. Сочинения. Харьков; М., 1999. С. 816.
18. *Чиркин В.Е.* Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. №2. С. 6.